

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2017 ГОДА

Александр Петрушкин Тетради 2017 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30476649

ISBN 9785449054715

Аннотация

В книгу включены все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2017 году. Книга является очередной частью поэтического проекта «Тетради». Предыдущие книги проекта включают в себя все стихотворения автора, записанные с 2000 по 2016 годы.

Содержание

«Кем бы ты стал...»	9
«Скоро за ними пойдём там, где камешки катит...»	10
«Щель человеческая, стоящая на горе ...»	12
«Птица – это её исчезновение...»	13
«Поле света. Вещество...»	14
«Печать деревянная в воздухе глаза...»	16
«Непроизвольно, как дыхание...»	17
«Где невозможно и огромно...»	18
«Человек в осколке света...»	19
«Ворона лестницей кружилась ...»	20
«И молока последнюю награду...»	22
«Бог простой, как мир и дрожжи...»	23
«Размешает птица клювом...»	25
Люмьер. Душа, как Иона	26
«Эта лестница состоит из дыр...»	30
Лицо	32
«У ангела дело такое...»	33
Круги	34
«И воздух встанет, как ребёнок...»	36
«Как запутан путь земной ...»	37
«Красноглазый фонарь мой висит в пустоте...»	38
Математика	39

«Во мне по утрам живёт орфеева голова...»	41
«Нищий, гулкий и тяжёлый...»	43
«Если зерно – это ад, грунт, который покинешь...»	45
«Глаз птицы, выбитый сквозь камень...»	46
«Круглый, круглый, круглый свет...»	47
Швея	48
«Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жалая ...»	49
«Пред ним здесь каждый одинок ...»	50
«Тело подходит к воде – словно отец с поученьем...»	51
Элегия	52
Следы	53
«Дух летит, не поспешая...»	54
«Куда матросы нас несут...»	55
Черновик игры	56
«Карта перевёрнутая ночи...»	58
«Улица желта или темна...»	59
Гутенберг	60
«и медведи и собаки...»	61
«Ибо каждый из нас здесь и жертвенник, и Авраам...»	62
«Я пойман на блесну...»	63
«Больно глазам...»	64
«Представь, что остров – это воды...»	65

«Испуг, в котором ты летишь...»	66
«Мы держали шар, как клевер...»	67
«Где просыпаешься ты, уменьшаясь в размерах? ...»	68
«В чём разница, осколок, мне скажи...»	69
«Грач становится языком...»	70
«Тело – завиток, возможно – линза...»	72
«Лиса бежит лисой косы – в лесу ...»	73
«Хвастунья, кошка, смерть моя...»	74
«На лестничной площадке снова грохот ...»	75
«Дворники играют на арфах и летят...»	76
«В полночь в самый тёмный час...»	77
«И вся причина пребывания здесь ...»	78
«Синий порошок снега, торопясь...»	79
«О таинстве, о чуде, о окне...»	80
«Без названья тело вещи...»	81
«будем стары ...»	83
«пробуждаешься ночью на реке Аа...»	84
«Птица радуется пыли...»	85
«с каждым днём ощущаешь...»	86
«Язык замкнётся в языке...»	87
Бегство	88
Половина	90
Авиатор	91
«Бродяга, колокольчик, часослов...»	92
«Вот клюв огня, который мир склюёт...»	93

«Снег начинается, пружиня...»	94
«Крестик бабочки в калитке ...»	95
«требуется зверь...»	96
«Сдиравший землю самолёт...»	97
Двоение	98
«Небо не огромно, но округло...»	100
«Как пауза в своём дыханье...»	101
«Звук – это корень, за которым...»	102
На смерть Пушкина	103
«тоннель которым стала рыба...»	105
«Дирижёрский камешек подводный...»	106
«воздуха саламандра забирается через рот...»	107
«Я теперь без обиды...»	108
«эта родом из рая седьмая строка...»	110
«слепые солдаты всегда вырастают от крови...»	111
«Вот хлеб. Возьми его себе ...»	112
«Тишина вырастает...»	114
«не так ли всяко покаянье...»	115
«мимо снега снег идёт...»	116
«куда сзываешь нас и кто...»	117
«делай что хочешь (а можешь ли?) или...»	118
«Как почта всходят адреса...»	119
Анна-птаха	120
«боишься высоты...»	122
«Так снег здесь переходит небо...»	124
«Все слова повторяются в нужном порядке...»	125

Прощание с античностью

126

Конец ознакомительного фрагмента.

127

Тетради 2017 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4490-5471-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
январь

«Кем бы ты стал...»

Кем бы ты стал
если бы не был пожаром? —
падал бы снег, обрубал
твоё жёлтое жало

или по клавишам чёрным
угля перелистывал выдох
белого-белого
и потерявшего имя.

Всякое – имя не круг,
но его начертанье
тонким железным прутом
на человеческом камне

что в веществе из любви,
как в пустотах и в теле,
по-человечьи висит и горит
фонарём свиристели.

(01/01/2017)

«Скоро за ними пойдём там, где камешки катит...»

Скоро за ними пойдём там, где камешки катит
эта волна, что похожа на катет

света, который порежет её в апельсины и дольки
продолговатой воды – и из скольких

выбраны мы побережью? – но всё преломляющий отче
наш и собачий [за снегом изменчивый] почерк

в силе переписать с лево на правосторонний
там, где его пустая рука небо тронет,

то есть – покатится снег колесом через мрак, где,
пролившись, чернила
гнутся как нитки дождя, из которого свила

рыба дыханием воду свою и камней треугольник,
где расширяется берег, как лёгкие, тонок

там, где мы – камни, которыми катятся камни
продолговатой воды, похожей на вечности ломтик.

(01/2017)

Блаженны тишина и слепота,
в которых свет скрипит, как темнота:
косноязычно, замкнуто, в кукушке,
как будто достаёт из бега сушки
его отсутствия, которым так тверда.

А всё – молчание и даже наши песни,
в которые обёрнуто оно,
когда хоть растворишься, а хоть исчезни,
как зимнее и мокрое окно
посередине языковой бездны,
в которой так светло, что мне темно.

Блаженны онемевшие сейчас —
как стрелки у часов незаведённых,
они взрываются за словом в снегирах,
и падают на свет несотворённый.

(2/01/2017)

«Щель человеческая, стоящая на горе ...»

Щель человеческая, стоящая на горе —
будто сорока или огонь в голове
или вода, притворившаяся кипятком,
или вестник, которому вход незнаком,

или шарик воздушный у девочки на руке,
который вот-вот оперится, как тоннель,
и поплывёт, шевеля то жабрами, то ангелом на плече,
на опознание речи и потому – ничей

светильник стоит на горе, как выдох, пёс, конура
и составляет список на нём жара
или – точнее – жар, шар, которым он встал поутру
будто сорока, что растрескается во рту —

словно красная глина, которая будет им —
когда он пробудится здесь, чтобы в гости идти к своим,
в щель, которая их сшивает, как свет, края
стрекот свой чёрно-белый на мясо для соловья.

(3/01/2017)

«Птица – это её исчезновение...»

Птица – это её исчезновение

(4/01/2017/

«Поле света. Вещество...»

Поле света. Вещество,
обретавшее дыханье:
слово, тело, Рождество,
прорастающее камень

и клубок из нас и нас,
что завязан в снега узел,
в путь, в тропу и теплый наст
в ослепительные лузы,

где поддерживают нас
пересохшими руками
тело, слово и звезда
в поле смерти под холмами.

в эти лунки, что из нас
вырастают как синицы
там, где слово вещества —
человек, которым снится

этот свет, любой предмет,
и бессмертье, как подарок,
или суд, как разговор,
что – как чудо древа – краток.

(6/01/2016)

«Печать деревянная в воздухе глаза...»

Печать деревянная в воздухе глаза
оставит мерцание, как стрекоза
остаток [на небо похожего] лаза,
куда ты не вздумай ходить никогда.

где слышно, как ходят вокруг лесорубы,
чей выдох под перьями медью звенит
и хлеб их неточен, и люк их не труден —
когда успевают нам воздух слепить

из мрака, мороза слепого, из праха,
который собакой кружится вокруг
где даже собака – совсем не собака,
а смысл для звезды, круглый воздуха стук.

(7/01/2016)

«Непроизвольно, как дыханье...»

Непроизвольно, как дыханье
собачье, и неслышно, и
похожее на опечатку —
в нас чьё-то зрение горит:

непроизвольное, как темень,
что колокол внутри себя,
оно в нас смотрит, нами зреет
и мёрзнет в круге голубят

спасительном, как речь чужая,
что хлещет мясо через край
бутылки, в горло птицера,
когда бы был такой нам край.

(8/01/2017)

«Где невозможно и огромно...»

Где невозможно и огромно
пространство Бога за спиной,
что оглянуться невозможно
на шар, что катится за мной

по масляному глинозёму,
с холодным зёрнышком во рту,
где хворост захрустит позёмкой,
оставив небо на свету —

сшиваю трубы с его гласом,
который меньше тишины
присутствия его – тоннели,
как сердца шарик, ощутив.

(9/01/2017)

«Человек в осколке света...»

Человек в осколке света,
то есть вечности, стоит
посреди просторной смерти —
что-то свету говорит:

то гулит, как будто
время, окольцованное им,
покидает голубятню,
расстоянием цветным,

ну, а то – раскинув руки
очарованно молчит
наблюдая, как на смерти
дверь бессмертия горит.

(10/01/2017)

«Ворона лестницей кружилась ...»

Ворона лестницей кружилась —
пока взлетала голова,
похожая на головешку —
как речь прохожая, черна.
Похожая на головешку
она в себе веретена
крутила белую отвёртку —
метелью от неё темна.
Крутилось небо и кружился —
вороны пропуском – гончар
и вынимал всю тьму из глины
затем – печаль.
Гончар крутил предмет и форму —
желтели пальцы от ворон,
гудели в дудки, как воронки,
поленья темноты. Свистком
лежал упавший и воскресший —
поскольку смерти вовсе нет —
на тень свою себя воздевший —
незавершённый пеплом свет,
что птичий свиток в форме ада,
похожего на рай и снег,
где слеплен человек из сада
ворон похожих на ковчег.

(1—10/01/2017)

«И молока последнюю награду...»

И молока последнюю награду
пьёт зверь прозрачный,
видимый не сразу,
припавший к сосцам неба,
к винограду —
пока щенок весёлый и незрячий
гоняет тьму в себе,
как бабочку, психею —
и ждёт во мне, когда я онемею.
И пение собачие, как льдина,
меня сопровождает в берегах,
в которых спит язык неотвратимый,
как молоко или последний страх.
Что ж, мой щенок,
сопровождай нас в вечность,
которая иголка февраля
во времени красивой колыбели,
чтоб вычерпать из смерти, как вода
в себя теперь исчерпывает небо,
зверей прозрачных и щенков своих
и за руку ведёт, и молоко психеи,
как бабочка, в губах у них дрожит.

(11/01/2017)

«Бог простой, как мир и дрожжи...»

Бог простой, как мир и дрожжи,
хлеб сей пресный, облака,
белый снег, рука на птице
и иссохшая река,

удалённая под земли,
чтобы быть опять со мной
в задыхании последнем,
где троится мрак двойной.

Бог простой, как это зреньё,
назывная слепота
и дыра внутри горенья,
что есть сгусток вещества

и звенящий, словно лошадь
бубенцовым языком,
собирающий прах в кости,
чтобы мясо дать потом,

дать доспехи снятой кожи,
треугольный речи плод
сберегая на попозже

словно смертность, в смысле – плот
в своей вечности пружине,

понимаю, что не в зле
мир лежит посередине:
в тёплом Боге – на золе.

(12/01/2017)

«Размешает птица клювом...»

Размешает птица клювом
разрывное молоко,
расшевелит голубиный,
как бумага, кровоток,

побежит в крови по рёбрам
в разлинованной листве
тела, в этой старой коже.
Обо мне и о тебе

тьень её звенит снаружи
заводным ключом весь день —
так внезапно обнаружив,
что пилот покинул тень

и теперь в аэроплане,
где пузырится душа,
видит: птица дождь мешает
в своей коже из дождя

(13/01/2017)

Люмьер. Душа, как Иона

– 1–

И ты в числе безымянном
живёшь, как в люмьеровской будке,
где слова орех, в камень вросший,
размотан на стены и сутки

припавшего, будто ребёнок,
совсем безымянного света,
в чьей мгле сотворенья лежишь ты,
а речью ещё не одета.

Не прах и не прочерк – светильник
в механике глаза беспечной —
ты видишь, как слово и имя
тебя начинают с предплечий,

и свет поднимается выше
природы своей непонятной,
над угольной крошкой и глыбой,
где спят слепота и котята.

Но ты ли разлом мой, Иона,
что тело моё из деталей
как мир, соберёт и не дрогнет,

как будка в сеанса начале?

– 2-

В ките из кожи, снега и любви —
лежит прозрачный камень-лабиринт
чтоб говорить то свистом, то по Брайлю,
немую речь используя, как бинт.

Кит – это лунка, испытанье эха
от камня, что проглочен будто тьма —
так расширяется до голоса монетка,
когда достигнет своей жизни дна

так свет продет был сквозь его дыханье,
как человек чрез голоса свои,
и выдохнул вокруг себя пространство,
чтобы внутри его теперь поплыть.

Он нам отсюда камень вдруг напомним,
и осветит круги, как лабиринт
внутри его иссиня-белой кожи,
что, как вода, намотана на винт.

– 3-

[Иона в утробе]

Изображения размытое пятно,
что созревает там, где колос пасти
становится то облаком, а то

разрывом на воде и неба счастьем.

Кто плавает над облаком? кто там
стучит – как в жабры – в чаек барабаны?
Чей ты, челнок, вспугнувший воды, как
тот человек, что стал своим экраном.

Чьё жало раскрывается тобой
и вырастает в жалости к утробе
окаменевшей рыбы, где прибор
тьме говорит: пожалуйста, не трогай

кинопроектор, зверя, пустоту
в которую размотаны, как сети,
все эти смыслы, что держал во рту,
как смерть свою, которой не заметил.

– 4–

Так вылетают голуби из рыбы,
как будто совершилась чешуя
в предназначении своём, и дивно
её обличие, в котором скоро я

перелечу немую киноплёнку
которая дождём меня троит
на зрителя и трещины на стенке,
и руку, что – бобину раскрутив —

всё это обозначит, но не скоро,

но точно – так же берег далеко
расчерчивает бездну своим светом
и рыбине становится легко.

О, небо, что свершается над нами,
о, рыба, та, что бабочка и рой
из бабочек размноженных ногами
идущего из кожи высоко.

(14—16/01/2017)

«Эта лестница состоит из дыр...»

Эта лестница состоит из дыр,
из коленок странников, что на ней

поднимали пыль, словно хлеб и сыр
или кровь, текущую, как портвейн,

из отсутствия плотности – вещества
ей речёного, как на обратной – снег

перемотки, когда «ты зачем сюда?»
вопрошает один из её камней.

А строитель смотрит в неё – она,
как щенок свернулась, прощенья ждёт,

где любое пятнышко у виска
молоко и снег в новый свет солжёт.

Говорит молчание и горит
как отверстия, пазы, стропила, мох —

в пораженье твоём открывает дверь,
как упавший на плечи свои снежок.

(17/01/2017)

Лицо

скопление ворон,
галдящее чтоб я
к воронке их припал,
ожечь свои края
орехом обрасти
как воздухом, ночным
холодным всплеском волн
у господ в горсти
где этот тёплый парк
похожий на меня
в бинарный код степи
он из любви собрал
где капище ворон
с моим почти лицом
растёт и смотрит вниз
туда где я рождён
шестого сентября
в своё гляжу лицо
и рядом их глотки
скрипят как колесо
(2017)

«У ангела дело такое...»

У ангела дело такое:
веткой коснуться окна,
быть малою роя пчелою,
которая тоньше видна
не нам – фотокамере старой,
что словно гнездовье стоит,
и третьей жучиною лапкой
по глине размокшей стучит.
Что там в животе спит у глины?
какая жужжит высота? —
как будто прошёл по ней ангел
и ключиком крутит у рта,
и спит у жука в диафрагме,
свернувшись в слепое пятно
фрагмент свой трёхсотый вставляя,
где падает небо в зерно.

(17/01/2017)

Круги

Когда колодцем станешь ты
и будешь так легко
внутри себя на всё смотреть —
на то, что далеко

по-птичьи с небом говорит
или горит внутри —
покажется, что это ты
в дыханья чудо вшит,

как ампулка в густой реке
и лодка на волне
земли, свернувшейся в руке,
как миновавший гнев —

гемоглобин твоей любви,
что развернулся в кровь
и – словно голубь – в ней летит
по кругу – вновь и вновь,

и плещется его вода —
жива пока мертва,
и строит города свои
из всплеска и песка.

Возьмёшь себя в свою ладонь,
как жажду, где спит дождь,
и – будто от весла круги —
ты по себе пойдёшь.

(18/01/2017)

«И воздух встанет, как ребёнок...»

И воздух встанет, как ребёнок,
и тело хрупко обоймёт,
светясь внутри своих потёмок,
которые за тем поймёт,
чтоб рыбу вытащить наружу,
чтоб задышалась она здесь
от счастья, что её снаружи —
как стужа – сберегает речь.

(19/01/17)

«Как запутан путь земной ...»

Как запутан путь земной —
из музыки глянешь ниже:
ножик режет чёрный хлеб —
лабиринта тёмный узел,

обращается зимой —
стук становится всё ближе
расширяется до света
или крови на столе

Из пореза света птаха
белый сад пошьёт из страха —
греет тельце – словно шуба —
снег, протянутый как Бог.

Режем, режем, режем узел —
хлеб сужается, как узел
в узелок прямой дороги
из музыки нелукавой

и – как тёмный хлев – простой.

(17—20/01/2017)

«Красноглазый фонарь мой висит в пустоте...»

Красноглазый фонарь мой висит в пустоте,
наблюдает воробушком сны:
как идут его люди – туда или те.
Мы с тобою одни здесь, лишь мы
остаёмся, как свет в их прекрасных местах
сконструированных, как уход:
не бывает любви у того, кто свой страх
словно камень из лёгких извлёк.

Камень лёгок, летит, оперившись гнездом —
краснобрюхий птенец пустоты —
и щебечёт фонарь непохожий на свет,
и ему про себя говорит
всё красивый полёт, завершаясь в кольце
немоты, коридора, огня,
где воробушек мой, как фонарик, свистит,
нарезая на свист свой меня.

(10—12/01/2017)

Математика

Старость – стыд, который плачет
словно зверь и сфера, и иначе
называет имена предметов
принимая расставанье это,

как возможность изнутри их тела
видеть: кровь течёт немного слева,
ангелы сидят, возможно – справа,
и бормочут стих его исправно,

правят все срамные опечатки,
пальцев приливные отпечатки,
календарный шрифт, мозоли кожи
дряблой, как мешок в кармане, позже —

ангелы встают, как шарики воздушны,
и уносят клювиками душу —
это зёрнышко направо мы положим,
это – слева, это – мы умножим

горлышком своим, как звук и эхо
в доме, что без мебели, где сфера
катится без пафоса и боли
и фальшивит в тридесятой доле

времени, которое округло
словно пи число или подруга.

(20/01/2017)

«Во мне по утрам живёт орфеева голова...»

Во мне по утрам живёт орфеева голова,
выходит со мной в новый Иерусалим —
засовы её крепки, хотя и скрипят,
глаза открыты и мир, как вдова, горит.

Ходики изнутри у неё стучат —
говор смутен, словно аккадский, или
выжженная на лбу у осла печать
времени, что с морем во мне забыли.

Медленно ключ творит в скважине оборот,
ощупывает в темноте лобную, затылочную или темень,
Аид, который каждый из нас – пока он плод,
голоса стебель, сжатый светом тяжёлым в семя.

Слышу, как тик, этот ключ, кодировку, ход —
так отверзаются ямой часы за стеною
и, как колодец из человека похож на код,
так и пустоты во мне равны со мною.

Их заполняет небо, парковый шелест, звезды
лицо удлинённое до ночи кромешной и слепца, что
предметы

делает речью своей, движением пустоты
и, словно лёд в гортани, выжигающим светом.

И расширяется орфеева голова, словно тропа
по которой всплывут со мною
эти ошмётки неба тире песка
дерева или адского перегною,

и каменеет волна, как слепой прозрев,
и выжигает, как лев, всё нутро обузы,
и ты – словно выстрел – вдаль от себя летишь
там, где шумит, как раковина расширяясь, голова медузы.

(20/01/2017)

«Нищий, гулкий и тяжёлый...»

Сергею Ивкину

Нищий, гулкий и тяжёлый
небом что болит в зубах,
переходит тьмы дорогу,
и целует тьму в уста

красно-белое дыханье —
в тьме ангиною горит
неизвестный авиатор —
меж двух выдохов стоит:

то качнётся перед Богом,
то наклонится к земле
испросить у ней вопросы.
В заштрихованной золе

поднимающийся ангел,
человеческий штрих-код
с речью тесной, как бомжара,
что из тела – поперёк

смотрит, как идут узлами
здесь прекрасные черты

человеческие жажды —
будто небо не легки.

Дёрни ниточку из звука
отпусти его в полёт,
в шарик неба или света,
сердца покрасневший крот.

(21—23/01/2017)

«Если зерно – это ад, грунт, который покинешь...»

Если зерно – это ад, грунт, который покинешь
ты на ходулях из птиц, что стояли над нами,
будто округлы окрестности или неслышны,
или – воотще пока не имели названий,

клёкот земли в них и перегноя пустоты
в свете горели или точнее сгорали
и расширялись внутри каждой смерти, как ноты
в щели из выдоха, где – как гортань – продолжались.

Так вот слепая гортань назовёт и увидит,
как из столба снегопада, что в общем-то птица,
падает наше зерно и становится чашей —
той, из которой выходим, устав миру сниться.

(23/01/17)

«Глаз птицы, выбитый сквозь камень...»

Глаз птицы, выбитый сквозь камень,
в окружности других глазков
дверных, древесных и прозрачных,
скрипящих будто свет в покров.

Всё, что здесь было – только двери,
как слайд, кипящий на стене,
я перешёл твои все звенья,
которые звенят во мне.

И, заключив тебя в ладоней
замок, я камнем стал на дне
у голоса, который тонет,
зияя, будто он плотней.

(01/2017)

«Круглый, круглый, круглый свет...»

Круглый, круглый, круглый свет
катится, меня стирая
в рай, которого здесь нет,
разрезает глаз по краю,
вынимает из грязи
ластиком из снега жёлтым,
отрывает лепестки
и становится неплотным.
Я теперь здесь космонавт:
Лайка Белка или Стрелка —
руки больше не дрожат
и собаки смотрят сверху
то, как тела мёртвый зонд
рассыпается до праха
Бог мой, Бог, теперь я твой —
круглый там, где свет – рубаха.

(24/01/2017)

Швея

Пепел бабочки, что скоро станет звуком,
ниткою, сшивающею землю
с некою о этой почве мыслью,
с выдохом, которым прах развеян,
с чёрным облаком, что встанет снегопадом,
где метелью, пойманной в стоп-кадре,
мы с тобой споём о них осанну,
пропадая в дырку – не в нирвану.
Бабочка моя, мы станем слухом,
где не существует расстоянья,
времени и чёрно-белой кожи —
только звук, летящий перед нами.

(01/2017)

«Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жалея ...»

Хор разгорится, как будто пчела свет ужалит, жалея —
прежде была слепота или яблоч жужжащий
звук – тот, который на тьме, в белый свет индеея,
преображался в предметы, как линза нестрашный.

В нём молоко проливалось и хлеб был уловлен:
хруст – это корка спелой воды, и – за льдом скрытой –
рыбы —
что теперь скажешь, от звука отпавший обломок? —
если предметы не вечны, а звук раздробился,

словно его монолит стал замёрзшей рябины
ягодой, множеством, эхом, невнятицей чисел,
то есть падением, вектором света в Харибды
чёрной воронке, которую ты защитился

там где пчела, полосатая сота из звука,
в центр лабиринта летит сквозь промокший свет
яблонь —
тронешь её, а точнее – остаток полёта,
в хворосте хора горящий, и – в колыбель её ляжешь.

(01/2017)

«Пред ним здесь каждый одинокий ...»

Пред ним здесь каждый одинокий —
сиротский воротник
подняв. По воздуху плывёт,
как сон, его плавник,

его дыхание, его
дрожащий поплавок,
и чайка что поднимет ввысь
то небо, что легко

в своих разрывах, и в пальто
похожем на меня —
стоящего, как соловей
на животе огня,

в котором, скоро замолчал,
откину шкуру я —
теперь совсем не одинокий,
как капелька дождя.

(25/01/2017)

«Тело подходит к воде – словно отец с поученьем...»

Тело подходит к воде – словно отец с поученьем,
но отражения нет – впрочем, нет и мученья.

Что там за телом горит? Что говорит, как сахара,
с той и другой стороны этой воды, что есть жало

или холодный ответ для заходящего в воды
тела, которое снег, память, охапки дыханья,

хвороста тронутый шум, дыма гляделки и прятки,
гумос для ангельских труб, что вырастают вокруг лесом,

гимнами, прялкой пустой, паром февральским, паромом
что стрекозою густой его провожает до дома.

Освобождаясь, когда кончено всяко ученье,
тело подходит к воде, себя ощущая, как жженье.

(01/2017)

Элегия

Замёрзший в цокоте копыт —
красивый этот свет горит
и поднимается в дыханье
из удивлённых лошадей,
испить его сюда пришедших
из водяных своих корней.

И лошади шуршат за светом,
где в незнакомых голосах
растёт тростник до низа сверху
в потрескавшихся их губах,

где птица в клетке или галка
по-человечески поют —
посмотрят в свет, затем согреют,
потом испьют.

(25—26/01/2017)

Следы

Возлюби Господа, как будто он – человек:
утром встаёт с тобою – тебя из-под век
рассматривает так, как будто воскрес он, и в первый раз
ощупывает мир, как одного из нас,
будто Господь твой – это юла. А ещё точнее —
остаток её спирали, пружинка в часах, кукушонок в окне,
звук этот всегалдящий, молчание, темнота,
остающаяся после тебя, как окно, пустота,
место молитвы, стоящее на словах, циркуль из взгляда,
очеркивающего тебя, повторяющее тебя почти наизусть,
из тебя вырастающее в свой рай, как из почвы куст,
из куста – огонь, из огня – вода, из воды —
жажда второго, то есть воды следы.

(26/01/2017)

«Дух летит, не поспешая...»

Дух летит, не поспешая,
между стрелок снегопада
часовых – как будто края
ни ему, ни мне не надо.
Вздвогнут краешки у нёба —
всё опять начнётся снова:
снег и небо, день чудесный,
лошадь что идёт, как слово.
Здравствуй, друг мой косолапый —
ты достанешь лёгкой лапой
рыбу, нитку дымовую, лёд
прозрачный, как январь.
Подыши со мною рядом:
надорви меня по раю:
снег не прерван, обозначен —
словно небом тишина.

(01/2017)

«Куда матросы нас несут...»

Куда матросы нас несут
в холодном, словно смерть, лесу,
который не Харон, но «о»
оставленное от него?

То снег падёт, то ангел выйдет,
то мальчик, глядя в свет, засыт.
В просвет земли идя, как дети,
из этой белой темноты

мы смотрим, как несут матросы
в невероятной речи чушь —
и чушь, как небо, снизу светит
и освещает телу путь.

(27/01/2017)

Черновик игры

Выходишь из ворот, а там – зима
тебя произносящая, как «ма»,
прикинется то лялькою, то люлькой,
качающейся справа от тебя —
пока геометрически смешна
её иссиня-тонкая фигурка.

Играем в шахматы, две морды, ты и я,
две лошади, что тенью в звук согнуты —
где чудится фигура из огня,
которая дымится, как искусство,
за лыжником, который от меня
оставит пар и светом ляжет густо

на чёрный воздух, трубку и трубу
из простоты, которая пока что
ещё не стала ящиком, куда
нас сложат, что – возможно – нам на счастье —
пока течёт вокруг камней вода,
похожая на лопасти и пасти

тех, что ожили в ней – пока мертва
она жила и прожигала или
не вспоминала почему сюда

её, окаменевшую, сложили,
как на щеке вдруг ожила звезда,
окаменев до крови или жилы

Всё дышит – даже если этот звук
внутри, и оттого нам не заметен,
не заметён как шахматы в свой стук,
в улитку лёгких, что теперь стозевны,
растут, как дерево сквозь зимы, как игру,
где катятся в повозке земли звери.

Они растут снежками, как следы
взрываются комками воробьиной
прозрачной крови, речи, как любви,
что рассекают небо львиной гривой,
и оставляют шрам, голосовой порез
среди темноты, что вырезана в выдох.

(27—28/01/2017)

«Карта перевёрнутая ночи...»

Карта перевёрнутая ночи
корчит человека у реки —

спицы из шмелей скрывают плечи
велосипедистов, что легки.

Там и видишь, как в гало и мраке
едут бесконечный марафон

два гонца навстречу этой карте,
что и мы с тобой перевернём,

переверём, поскольку так и надо,
если жалит шмель, как звуки спиц —

слушай, слушай – смертоносно жало
у велосипедов и их птиц.

(01/2017)

«Улица желта или темна...»

Улица желта или темна,
в ангеле не существует ангел —
ты ведёшь меня через кольца
снег, что размыкается в котангенс.

Функция забыта и проста —
от того, похожая на время,
больше не относится ко мне
и лежит окружностью, как семя,

что открыто в свет снеговика,
в этот шар из детворы и смеха,
где звенит, как черная дыра,
воздух, что дыхания прореха.

(28/01/2017)

Гутенберг

Спит на руке Гутенберга стрекоз отпечаток,
свинцовая капля, как прорезь, с любого форзаца
мира сугроб, что повиснет над хлебом с виною:
коли ты ловишь стрекоз, то тебя уже жалко.
Вот ты сужаешься, ссуженый горлу кувшина:
всяка монетка светла – всяка буква обратна
свету который отсюда летит на другую страницу
света, пчелы, чья зеркальна, как свет, опечатка.
Воздух хрустит и ломает замёрзшую ветку,
словно бы слепок воды, что замёрзла в древесной
пружине —
лев предо мною стоит с Гутенбергом, как с веткою
в клюве
ждёт, что слепой воробей, его стороны сдвинет.

(28/01/2017)

«и медведи и собаки...»

и медведи и собаки
складываясь в речи метр
хоровода и печали:
скоро скоро все отчалим
из отчаянья на речь
скоро сядем и местами
станем общими когда
небо твердью будет нашей
как верчения юла

(01/2017)

«Ибо каждый из нас здесь и жертвенник, и Авраам...»

Ибо каждый из нас здесь и жертвенник, и Авраам,
каменный свет держащий в своих губах —
словно тот – лестница, на которой Исаак
играет в салочки с бабочкой – и изгоняет мрак...

Вот все стада твои, идущие на водопой —
свет, что глядит в лицо воде, и лицо своё
не узнаёт – так морщина вдвойне лица
больше, поскольку лицом надвое разделена —

выпьешь себя и дальше в огне пойдёшь,
словно ребёнка и Бога, бабочки дрожь
неся на руках у рисунка воды, вдоль себя —
жертвенник, сын, Авраам, стая из голубят.

(25—29/01/2017)

«Я пойман на блесну...»

Я пойман на блесну
из выдоха и света
прижатого ко дну
кувшина человека.

Я слово промолчу,
которое похоже
на зеркало лица,
что наклонившись сможет

увидеть, как вода
становится черпалом,
когда лицо до дна
и света исчерпало

себя – гляди, гляди! —
меж выдохом и вдохом —
бог смотрит в нас сквозь речь
лицом обратным вдоху.

(29/01/2017)

«Больно глазам...»

Больно глазам,
словно небо троично легло
в тропы их зренья
что их есть причина – легко
приподнимает их
тёмной ладонью, в язык
белый кладёт, чтоб остаться
лишь долей от них,
чтобы лежать у себя
на холодной руке
или, как свет,
не имеющий веса в реке.

(29/01/2017)

«Представь, что остров – это воды...»

Представь, что остров – это воды,
побег от выдоха её,
стоящий в маятнике леса,
где стоишь только одного
воспоминания и звона,
сгущаемого в голубей,
летающих, как водовороты
сквозь лес, горящих в них людей.
Никто из нас – непредставимый —
стоит, как ключик от часов,
что крутят голос, словно остров
как небо или острё.

(01/2017)

«Испуг, в котором ты летишь...»

Испуг, в котором ты летишь,
живёшь, в который уже раз —
ты стал испугом – говоришь —
ты сам, непрочный в себе, лаз.

О, комната, которой ты
был извлечён на свой испуг,
на свет, который – как дитя —
свернулся у себя во рту,

как кровь медовая пчелы
и яблоня, которой нет —
но так прекрасно шелестит
во мне её небытие,

чья речь – прекрасная дыра,
что собирает на свету,
метлой испуг вокруг себя,
когда по воздуху иду.

(01/2017)

«Мы держали шар, как клевер...»

Мы держали шар, как клевер
снега, тающий в губах,
что расправится, как веер
в сжатых выдохом жуках,

что – прозрачны и невинны —
говорят шарам полёт
из прозрачного пространства,
где безвестный оживёт

самолётик – старый, старый,
из бумаги и любви —
звук и ветер над полями,
что обёрнуты в снежки.

Держит на руке создатель
сад бегущий, чьи шаги,
держат в свете тело наше, как мы —
смятый в свет, снежки.

(30/01/2017)

«Где просыпаешься ты, уменьшаясь в размерах? ...»

Где просыпаешься ты, уменьшаясь в размерах? —
словно просыпался в сторону сна
и там смог остаться
большею частью своей – так иные деревья
в камень и смерть прорастают
замедленным счастьем:

Иначе – дерево в оба растёт расстоянья
в чашу и воды, которые
льются из чащи
этой подземной, где лестница свита в подлесок
склеена света слюной
с отражением – дальше

дольше, чем звук, на лету удлинится слово
в смыслы и вещи, как сон —
это часть пробужденья.

Шар изнутри всегда больше небесного шара,
если твоя асфиксия —
это ломтик рожденья.

(29—30/01/2017)

«В чём разница, осколок, мне скажи...»

В чём разница, осколок, мне скажи
когда ты на руке моей лежишь

как будто я свит в продолжение твоё,
и крутится во тьме веретено

из перьев, звука, вещества и лиц,
чья пряжа в отражении лежит

ворует воркование у дна
которым, как бессмыслицей, полна.

...И выговаривая, как осколок, речь —
в неё, как в смерть, я успеваю лечь.

(01/2017)

«Грач становится языком...»

Грач становится языком
горьким и красным
болезни глотком,
царапиной на сосульки окне.
Грач состоит из корней

русского устного,
дворников и
тени того, кто рядом стоит
плачет иначе, чем снег налегке
идуший в запасном полке.

Птица не грач,
чья изнанка – полёт?
кто его белый бесстрашный пилот?
кто сохранит в этот зимний хребет
деревя – голос, вернувшийся в свет.

Грач, как верёвочка,
свитый в моток
свет, что им собран и брошен в лоток
в неба коробку, где вся высота
это болезнь, смысл и изморозь рта.

(30/01/2017)

«Тело – завиток, ВОЗМОЖНО – линза...»

Тело – завиток, возможно – линза
голоса, что смотрит сквозь меня —
так сгорает темнота, как сердце,
как водицы перезвон у дна.
Стукнет капля по ребру снаружи —
ливень изнутри пойдёт насквозь,
как сквозняк, которым ты нарушен,
потому что прошлое сбылось
в доньшке глазном у этой стаи
что таится в снежном у окна
умолчанье – и двоится рамой —
вставленной, как будто взгляд – стена.

(30/01/2017)

«Лиса бежит лисой КОСЫ – В ЛЕСУ ...»

Лиса бежит лисой косы – в лесу —
косцы ступают мягко на лису —
вернее тень, что – сбитая травой —
лежит среди среды и февраля:
она, возможно, стала бы норой
но не успела – яблоком легла
на свет, который – вес свой ощутив —
в тропе косца лисой теперь бежит —
и кровь на пальцах у тропы, когда,
как яблоко, вокруг растёт трава.

(2017)

«Хвастунья, кошка, смерть моя...»

Хвастунья, кошка, смерть моя,
отвёртка, что меня отсюда
выкручивает, каждый круг
длиннее адова, упруга
твоя коричневая вязь,
в походке впадин из прохожих:
сначала выймет, а затем
обратно вложит
свои прозрачные персты,
звенящие в любой капели,
как в ноше из моей любви
и поллой веры,
где, как песочные часы,
я, исполняемый тобою,
твоим мурчанием вблизи,
на звук настроен.

Ты, исполняемая мной,
как местность за кошачьим веком
сужаешься до древа, что
спит – в человека.

(31/01/2017)

«На лестничной площадке снова грохот ...»

На лестничной площадке снова грохот —
хотя ни лестницы, ни грохота здесь нет.
Рисунок что себя собой рисует,
как будто рассмотрел в нём что-то свет:
Вот воздух, вот на нём ожила птица,
проклюнув белый цвет, как скорлупу:
вот Бог, вот ангел, скважина, больница
вот я, что в эту скважину войду.

(31/01/2017)

«Дворники играют на арфах и летят...»

Дворники играют на арфах и летят,
и на фирдоуси говорят.
Джебраил – один, второй – феллах.
Смотрит книга в них и всё опять

называет заново – теперь
арфы здесь играют на метле
цифры, алгебру, попытку проиграть
мир, который в рынок сей зажат.

Книга проступает на лице,
арфа на багровом языке
говорит: всё это можешь взять,
кроме звука, что пробудит прах.

(31/01/2017)

«В полночь в самый тёмный час...»

В полночь в самый тёмный час
неба циркуль чертит уже
шарики любви и пас-
ангел отлетит, как ужас.
Бела-бела-бела кровь
снигиря – как оборот
и пароль от снега, где
небо в длинной высоте
не кончается никак,
но качается в устах
времени в котором лев
смотрит на меня, как выдох
снигиря, и много птах
он на небе этом выпас
в эту полночь, в этот взрыв
в геометрию и в номер —
словно прапорщик не спас,
и лежит как ночь в картоне.

(31/01/2017)

«И вся причина пребыванья здесь ...»

И вся причина пребывания здесь —
минута разговора, рейс в трамвае,

где просьба передать билет обратно —
почти воспоминание о рае

где отрока три едут боковыми
местами, и сиренью из окна

Всё смотрит на тебя, пока ты в силе
и вся причина эта не ясна.

(31/01/2017)

«Синий порошок снега, торопясь...»

Синий порошок снега, торопясь,
плавится в ладони – словно в выстрел —
пузырится жёлтоглазый язь
воздуха февральского и в быстрый
отблеск человека на лице —
будто след на пороже синицы
остаётся речью вдалеке,
если человек уже весь вышел
в выдох свой, и в синем, там, лежит,
спит и видит: порошок, разгораясь,
указует птицу на реке,
там, где псиной речи не осталось.

(1/02/2017)

«О таинстве, о чуде, о окне...»

О таинстве, о чуде, о окне,
о оканье, что молока поглубже,
о феврале, о птице на окне,
о речи, что нас видит много лучше,
и о стыде, который настаёт,
когда – не то что старишься, но дышишь,
но говоришь, как исповедь себе,
затем бинтуешь чем-то тёмно-рыжим
похожим на засушенную кровь,
забытую в гербарии и в теле,

о умиранье, что тебя родит
уже на самом новом, новом свете.

(02/2017)

«Без названья тело вещи...»

Без названья тело вещи
вдруг покажется столь вещим,
вдруг окажется глазком
и олеговым замком.
Смотрит вещь в меня и дышит —
видит будущее, слышит,
говорит мне о своём
непонятным языком.

Кажется, что в этой вещи —
реки, человеки, печи —
всё что сказано другим
текстом, шрифтом мне чужим.
И, возможно, посторонний
тоже эту вещь уронит
вдруг ожегшись об меня
на той части бытия.

Так вот вещь – ожог меж нами —
плачет часто вечерами
и частит, как добрый пёс
что названия не смог
выбрать и любую кличку
принимает, как свою,

и несёт её отмычку
в водяную конуру.

(01/02/17)

«будем стары ...»

будем стары —
это нормально как гул,
что исчезает как дым от стаи
табачный
или лес, или город,
или поезд – что в у
складывает ход в себе
многозначный

ничего не останется
даже листа
прожжёного посередине —
словно
мы попытались
им удержать не своё

– только птичье —

СЛОВО

(1/02/2017)

«пробуждаешься ночью на реке Аа...»

пробуждаешься ночью на реке Аа
над тобою мгла под тобою мгла
и мерцает лодка где ты весла
край
хотя эти все края
тоже кольца лодки и ночь шумит
будто дождь который светляками сшит
и звенит в их брюшках как река Аа
там где человек
только часть угла

(01/02/17)

«Птица радуется пыли...»

Птица радуется пыли,
набивающейся в рот —
шарик крутится и голос
птицу катит и несёт.

Он – воздушный (шарик этот)
пахнет псиной и дождём —
птица крутится и ждёт,
что её перевернём

на иную половину,
где пластинка и игла
завучат, но по другому —
если смерть совсем прошла:

шарик пыли будет небом,
шарик глаза будет дном —
птицу из бумаги ими
в голос птицы мы свернём.

(2/02/2017)

«с каждым днём ощущаешь...»

с каждым днём ощущаешь
как скуден словарный запас
и скудеет ещё – только голод
оставлен от нас —

голод слова и полость
колодец и лопасти, сема сома
и закрученный в волос язык
у самого дна

с каждым днём всё светлее
в колодце и памяти жук
отгрызает шаги голый голод
и камер иных перестук

(2/02/2017)

«Язык замкнётся в языке...»

Язык замкнётся в языке
замка, доставши
в нём немоты красивый мёд
который чаще

блистает в снеге и – в сугроб
вливаясь – лошадь,
сама есть снег, но след её
растает позже,

чем твой фонарик,
что в руки таился коже,
как светлячок ход пробузив.
и – разворошен,

как муравейник – человек
из сна достанет
своё прозрачное лицо.
Затем – отпрянет.

(2/02/2017)

Бегство

Бегство твоё было похоже на яблоко, что скатилось по ступеням росы, что рассыпали ромалы в сене —

оставалось идти там, где дыхание билось белой мошкой над дугой человека парящею как молоко над крынкой —

запотело молчанье твоё — всё достижимо,
всё приходит, встаёт как колокол медный над головою,

качает шарик окна, как младенца птица,
кушает отсутствие наше напополам с половию.

там, где ты рай нащупываешь — как русло
наметив себе, голавль сбывается льдом с рекою,

отражение подсекает тебя, как рыбак отраженье
своё, и лицо его ловит воды последний глоток.

Дальше — жажда, глухое жженье, ожог кислорода,
что ест его изнутри, как яблоко воды воду,

человек каждое своё движение, рыбак рыбу,
пойманную собою.

(02/02/2017)

Половина

Половина человека
остаётся на земле
в его датах, в речи, в веках,
перечисленных золе

неотложным переводом
и одышкой парной
оленят, идущих рядом
с тем, что он здесь звал душой.

Только после обернётся
половина посмотреть,
где вторая половина —
так похожая на смерть,

но увидит снизу кольца
из прозрачных оленят,
и заплачет в это небо,
что назад не возвратят.

(2017)

Авиатор

Воздухоплаватель заходит в кабинет.
Становится всё выше. Свет нарушен,
как карта, на которую лёг путь,
который Бог и рукава от шубы,
где дирижабли света ночь сожгут
в кострах отсутствия,
в бездонном кислороде
покажется, что карты неба ждут
из черепашьей белой круглой кожи,
как будто срезы дерева, шуршат
и вырезают земли из под кожи,
и шьют созвездия и птиц, как будто вожжи
полёта их совсем ещё не ад.

Табачный дым, облапивший – как карту —
отсутствие простора и опор,
державших вес отсутствия, однажды
становится дорогою в простор,
окном что закрывает своей жаброй
прогноз погоды, невозможность всю
его – теперь невидимую – кожу
в полёта полушубок распахнуть.

(03/02/2017)

«Бродяга, колокольчик, часослов...»

Бродяга, колокольчик, часослов,
что впитывает время с берегов,
как губка, свет, пролитый на столе,
берёт в не принадлежное себе:
чужую речь, лежащую в тени,
что колупает тень внутри стены,
лёд, легший в свет, похожий на сверло,
и птицы шар в игольчатое «ло»
ландшафт – нанизывает, словно высоту,
на каждую отдельную иглу.

(4/10/2017)

«Вот клюв огня, который мир склюёт...»

Вот клюв огня, который мир склюёт,
на жёрдочке любой из человека.
Кто дом построит, как свой оборот,
затем его сотрёт? там память бега
становится то камнем, то столпом,
что остановит, вынув, ночь из меха.

Вот клюв окна – под ним лежит река
вот – за рекой проложенная – неба
лыжня, что омут сомий изрекла.

Так спит воспоминание побега,
возможность дважды воды обогнать
и плыть, как лодка, из реки побега —

в подводном пузыре, внутри сома:
как сема мира, Бога, просто семя.
Затем – зима.

(3—4/02/2017)

«Снег начинается, пружиня...»

Снег начинается, пружиня,
как звук вокруг своей оси —
раскручивает полосатый
плод света, смятый до осы

восьмёрки, где вода ужалит —
пока ты слово соберёшь,
затем забудешь. Себе жало
ты вместо памяти возьмёшь,

идя по снегу, став им больше,
чем будет он когда-нибудь
стелясь, как снег перед собою,
который путь

(04—05/02/2017)

«Крестик бабочки в калитке ...»

Крестик бабочки в калитке —
рыбаря дверной глазок,
приготовившийся к читке
меж последних своих строк.
Бесконечная в полёте
бабочка, хитин отбрось —
голенькой лети, как воздух,
с тонким временем поврозь.
Надорвав бумаги круглый
почерк до мороза и
из себя рисуя стужу, ужас,
радость и круги.

(04/02/2017)

«требуется зверь...»

требуется зверь
похожий на трубку
пробковую, на лунку
в которой варится небо
постная каша, невнятная речь наша

и этот январь-февраль одна из ипостасей календаря
который ипостась времени
которое ипостась вечности
которая часть невероятного Бога
похожего на лунку и трубку

а ещё на подвешенную – без всякой опоры – дорогу

(04/02/2017)

«Сдиравший землю самолёт...»

Сдиравший землю самолёт
летит за гладкою стеною —
её касается спиною
шершавою, как стрекоза.

О, горькая земля, солёны
твои глаза,

когда, раскрывшись человеку,
синеет плоть снеговика —
округлая в своём ознобе,
как тчк.

(04/02/2017)

Двоение

То отражение, что держишь ты,
пытаясь его – словно бег – упустить
в кадры, застывшего вдоль, кино —
остаётся тобой всё равно.

Скажем: ты говоришь, что оно
проговорило тебя – верно
и первое и второе, или
вся соль здесь в шиле,

в нитке, за шилом лежащей и
связующей края вашей пустоты —
твоей и того, второго —
совсем другого.

Так каждый раз повторяешь речь,
которую он так хотел сберечь
в молчанье своём – за которым грай
что изрекай

ты, как будто не одинок,
а ломоть из стаи тех сорок —
срок бы закончился прежде, чем помер
ты – и в том был номер,

что оставался бы лишь один
когда ты таял весной средь льдин,
в которых земля притворилась хлебом
и – где он не был

пока что ты отпускал синиц
лакать его все сто сорок лиц,
а он тебя охранял от смерти
как пёс от цепи.

(5/02/2017)

«Небо не огромно, но округло...»

Небо не огромно, но округло,
словно почерк из начала века
прошлого или зрачок испуга
человека что теперь без тела
дребезжит, как старая дрезина
посреди разомкнутой дороги,
где мир продолжается, как циркуль
голоса случайного сороки —
и конёк её любой фигуры
воздух чертит и /порезан в клочья/
человек лежит как мнимый выход
в пилотажи неба, где всё точно.
Смотрит вниз безбрежная сорока —
приняла как будто на причале
три стакана водки или звука,
чтобы, как Чкалова, качали.

(06/02/2017)

«Как пауза в своём дыханье...»

Как пауза в своём дыханье
идёт по свету человек,
в акробатическом молчанье
приняв себя за эту смерть,

за сад, который в птице кружит,
за кружку чая на столе,
за речь которой он был нужен,
а после выброшен за дверь.

Он – спица колеса седьмая,
прохладный ворох между птиц,
что снится сам себе от края —
до кожи смёрзшихся – страниц,

и сам себя теперь читает
неграмотной воде, чей лимб
его красиво обнимает,
почти что языком живым.

(02/2017)

«Звук – это корень, за которым...»

Алексее Александрову

Звук – это корень, за которым
из неба тянется душа,
склонившись над комочком грязи,
в него синицами дыша,

крошит по свету хлеб и камни
муку и муку не свою —
в нечеловеческую эту,
как математика, тюрьму.

Однажды корень извлечённый
соединится с буквой, о
которой слышал лишь как будто,
как о молчанье одного.

(7/02/2017)

На смерть Пушкина

Вот – родина вторая, что с начала,
как будто вторник, на меня стучала —
на телеграфе дивное письмо
лежит и дышит в мясо сургучом:
вот родины предел. Начни сначала —

земля твоя, что изнутри всё знала:
я был агент конечно же двойной
лежал межъязыковой войной —
и русский весь язык казался узким
заштопанным, как влажный перегной.

Вот родина – прекрасна в умиранье —
лежит внутри и нефтяной волной
подожжена, как спичкой, дирижаблем —
и небом, что горит передо мной
едва-едва – как Пушкин, в поле жабры

свои оставив февралю, бежит
на Родину, что первая, корягой
из речи чёрной, словно зверь, дрожит —
где мяса письма из мягких лёгких,
где свет прошитый светом, в снег лежит
лицом своим – теперь невиноватым —

где всяк Харон по-русски, говорит.

(9—10/02/2017)

«тоннель которым стала рыба...»

тоннель которым стала рыба,
как небо над землёй парит
и забивает в землю гвозди
из смерти что верна любви

однажды на тоннеля тропы
ступлю и я и там, во тьме
красивый парашют увижу
что кто-то помнит обо мне

и тёмною кривой рукою
над рюмкой видит тёплый свет
так я отсюда его помню
как вкус и снег и вкус и снег

хрустит тоннель плывёт как рыба
рифмуя вариантов рябь
кто на поверхности не видно
так рядом от меня ты встань

(10/02/2017)

«Дирижёрский камешек подводный...»

Дирижёрский камешек подводный,
отплывающий от берега и сна,
где и он, когда-то невесомый,
двери ищет выдоха и дна,
набирает полной грудью стаи —
за водой плывущих – облаков,
он теперь, как музыка, латает
приближенье полых берегов,
распознав дыхание, как жженье,
камешек – как будто тот ожог —
достигает – видишь? – удлиняясь,
сна, в котором спит его полёт.
Он теперь совсем не погремушка,
не игрушка у воды и так
дирижирует, плывя – как будто щепка
у щенка из музыки в руках.

(02/2017)

«воздуха саламандра забирается через рот...»

воздуха саламандра забирается через рот
в человека – смотрит сквозь нырки его
на себя самоё
и возвращения радость испытывая назад
выползает – обновлённая – словом слюной на его устах

(04/02/2017)

«Я теперь без обиды...»

Я теперь без обиды
на мир тот и этот —
двухголовый – стою
и пою на двойном,
как любое молчанье,
языке, что есть кромка,
точка смычки свеченья
со дном.

И предметы приходят,
как тёплые звери
кровоточат, ворочаются,
как винт,
как проём или дверь,
Ариадны верёвка
или замкнутый в звук
лабиринт.

Я теперь без обиды
о себе умолчанье —
тот, что тает, как плоть
освещает все две
стороны, что становятся
чётче, точней умиранья,

и прозрачней
отсюда видны.

(02/2017)

«Эта родом из рая седьмая строка...»

эта родом из рая седьмая строка
а шестая из них словно речь высока
побеждает пятёрку – что всходит сквозь смерть
что четвёртая в жизни которой смотреть
остаётся на третью где слаб человек
потому что второй не присутствует здесь
где темна и прекрасна первейшая в них —
ослеплённая светом – восьмую стоит

(04/02/2017)

«слепые солдаты всегда вырастают от крови...»

слепые солдаты всегда вырастают от крови
старого винограда в гуще смолистого света
требуется любви долька им для ответа
и золотое руно отчаивавшейся страны
и масляниста земля в каждом своём просвете
в щели оставшейся после того как солдаты видны

«Вот хлеб. Возьми его себе ...»

Вот хлеб. Возьми его себе —
грызи, как в детстве грыз сосульку,
и находил в её воде
не физики закон – искусство
парения, как истощал
её безропотное тело —
ты был почти что каннибал —
светало небо или пело.
Ты в школу шел, читал путей
собачьи строки, рифмы или —
они тебя вели вперёд,
тебя читали, то есть жили,
с тобою рядом и тобой
растягивали пространство,
резинку шапки, где зима
права, летит всегда налево
упрямством саночным – легка
синичьим спелым своим телом.
Вот хлеб. Возьми его, как свет,
как детство, где возможно дети
до невозможности правы,
а хлеб есть тело, выдох ветки,
И кажется – как в детстве, я
грызу дыханием сосульку,

и жду, когда меня зима
свернёт, как вечность и секунду.

(05/02/2017)

«Тишина вырастает...»

Тишина вырастает,
как птенчик в гнезде,
пока тают засохшие ветки,
а он видит лицо своё
что – как голос над ним —
наклонилось,
рукой сухой вертит.

Этой глины коснись
и услышишь, что рай
оживает в тебе
полым эхом,
что в свистульке лежит
и, как сердце своё,
тишину тьме поёт
и свет лепит.

«НЕ ТАК ЛИ ВСЯКО ПОКАЯНЬЕ...»

не так ли всяко покаянье
приемлем мы, как старый свет,
в себя вбирая подаянье
последних лет

«МИМО СНЕГА СНЕГ ИДЁТ...»

мимо снега снег идёт
то, что зрением соврёт
он – обнимет своим нюхом
не обретшим плотность слухом
псом стоящим в самом сердце
стаи снежной и земной
каждый человек сугроб
а снежок его – искусство

«куда сзываешь нас и кто...»

куда сзываешь нас и кто
ты в стаде слов своих молочных
с губами белыми телят
которые идут досрочно

зачем увидел ты меня
в тропе и шраме безъязыком
куда ведёт тебя метель
в дите моём косноязыком

где невозможна всяка речь
которая не от ожога,
отмороженья, а избежь
ея стада твои не смогут

(2017)

«ДЕЛАЙ ЧТО ХОЧЕШЬ (А МОЖЕШЬ ЛИ?) ИЛИ...»

делай что хочешь (а можешь ли?) или
важно не дерево, но ветки круг
там, где касается пястью своею
света, который – как почва – упруг
там где мамаша сметает на нитку
карманы глубокие кармы твоей,
и остаются – как будто забыли —
дети внутри у неё, словно тень.

«Как почта всходят адреса...»

Как почта всходят адреса:
ромашки, вербы, сосны, донник —
так ночь оставив мертвеца
совсем уходит.

Проходы /словно о/ густы,
и в каждом доме почтмейстер —
он мастер говорить и ты
не остановишь

его присутственную речь
его посольские одежды
что почту должны будут сжечь
оставив между...

Анна-птаха

качки тёмный паровоз
перечисленный в считалке
этой девочки – смотри
ничего теперь не жалко

невозможное в тебе
сбылось и наверно чудо
эта смерть что в нас живёт
отпуская словно пуля

веры птичка неисправна
подыши в неё – она
была слишком спешно спета
шита из глазного дна

и однажды когда песня
завершится на твоей
ноте из считалки детской
всё ж наклонится к тебе

её нежная головка
как бы церква или дом
и тепло задышит в щёки
её чуда перелом

(06—07/02/2016)

«БОИШЬСЯ ВЫСОТЫ...»

боишься высоты
идёшь как будто взрогнул
споткнувшись о тебя
огромный этот свет
и парк спираль свою
согнул в дугу двойную
того кто надо мной
мерцает будто нет
его и нет меня
он лугом притворился
элизием долиной
прибытия в сады
и ток двоит одно
изображенье мира
которым меж двоих
он в голоса разбит
и слева от него
как черепки пустоты
а справа от него
пустоты как кувшин
дрожат и прошивают
его сквозное эхо
которое и есть
вся тяжесть высоты

(11/02/2016)

«Так снег здесь переходит небо...»

Так снег здесь переходит небо,
ступеньками там становясь,
где перевёрнутые воды
растут сквозь грязь
мою, густую и родную,
что стала кожей, речью и
лицом, что левою рукою
я отмываю до крови,

до этих вод, до плеска рыбы,
что поймана на смерти страх,
до слов, которым я поверю,
смолкая в прах.

Так нас ведут поодиночке
за снегом бубенцы из мглы
и протыкают света точки
зрачки зимы,

и кровь течёт по целлофану
когда-то бывшего лица,
и снег идёт навстречу снегу,
в лицо дыша.

(12/02/2016)

«Все слова повторяются в нужном порядке...»

Все слова повторяются в нужном порядке,
как палочки света на берегу,
который набрёл на волну, как шарик,
что тоже по воздухам этим бегун.

Все слова повторяются – рыба и рыба —
разные как интонации или —
справа их руки, что отняты светом
с кожей из произношенья – смотри же:

ёж, что оставлен нам, словно бы Боже
держит себя на случайном весу,
снимая иголки в нужном порядке,
который, как палочки, волны несут.

(13/02/2017)

Прощание с античностью

От льва останется дыра
волнистая, как вся античность:
родиться розу поливать
и умирать под ней привычно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.